

АЛЕКСАНДР ВОДОЛАГИН

ЧЕТВЁРТЫЙ БАСТИОН

*Не может быть, чтобы при мысли,
что и вы в Севастополе,
не проникли в душу вашу чувства ка-
кого-то мужества, гордости
и чтоб кровь не стала быстрее обра-
щаться в ваших жилах...*

Лев Толстой

Вот уже 230 лет Севастополь занимает особое место в нашем жизненном пространстве. Но и задолго до его основания указом императрицы Екатерины II от 10 февраля 1784 года именно здесь наши легендарные предки соприкоснулись с великим наследием античного мира, а позднее приняли Евангельское послание, которому мы и до сих пор, правда, не всегда осознанно, следуем. Качественное своеобразие этого необычного места, обусловленное смещением земли и крови, игрой космических стихий в содружестве или противоборстве с человеческим духом, а также явным обнаружением “власти рока” в полной мере испытал на себе молодой Л. Н. Толстой, переживший в Севастополе свое второе рождение.

Льву Толстому не было и 18-ти лет, когда он включил в свои планы самосовершенствования работу над “Очерком русских нравов”, заметками “Что нужно для блага России” и “Примечаниями насчёт хозяйства”, ещё и не мечтая тогда о литературной славе. Сочинять же он начал позднее по совету своей любимой тётеньки Татьяны Александровны Ергольской, подсказавшей племяннику написать роман “Четыре эпохи развития” (в духе его любимого Стерна), чем он и занялся на Кавказе, где, казалось, нашёл-таки новые ощущения. При этом он продолжал “вести беспутную жизнь” картёжника (беспрестанный картёж), испытывая “постоянное несчастье в игре”, влезая в долги и, таким образом, невольно подтверждая мнение старшего брата Сергея о нём как “самом пустяшном малом”. Литературное творчество отчасти приглушало в нём чувство недовольства собой, но было для него всё же

ВОДОЛАГИН Александр Валерьевич — доктор философских наук, профессор. Член Союза писателей России. Автор книг “Метафизическая ось евразийства” (в соавт. 1994), “Метафизика воли” (2012), “Собирание духа. Пути и беспутство русской мысли” (2013), сборника рассказов “Оливема” (2000), романа “Ворох, или играющий с огнём” (2010 — Литературная премия имени Н. В. Гоголя).

не более чем забавой. Поступление на военную службу по совету генерала А. И. Барятинского, неожиданно проснувшийся “интерес к войне” и почти “наполеоновская” жажда славы способствовали “большой нравственной перемене” и привели его, в конце концов, в действующую Крымскую армию. Помимо патриотических соображений, им двигало желание увидеть “настоящую войну и опасность”. Тогда-то, видимо, и произошёл решающий поворот в его жизни: взлелеянный в Ясной Поляне “самой гениальной женщиной в мире” (Т. А. Ергольской) *Лёва-рёва* пережил **второе рождение**, став гениальным выразителем мыслей и чувствований русского народа. Место рождения гения – Крым, Севастополь, четвёртый бастион.

26-летний подпоручик Лев Толстой прибыл в осаждённый Севастополь 7 ноября 1854 года переводом из Дунайской армии и находился в зоне боевых действий, командуя батареей, около девяти месяцев, вплоть до оставления города нашими войсками 27 августа 1855 года, после чего он ещё более двух месяцев провёл в крымской армии. Дежурство в апреле-мае 1855 года на четвёртом бастионе – опаснейшем из восьми – Лев Толстой вспоминал как “лучшее время” жизни. 28 августа, в день своего рождения, он плакал, глядя на оставленный русской армией, объятый пламенем Севастополь, видя, как над нашими бастионами взвились французские знамена. Севастопольский период стал для него решающим в духовном самоопределении: избавившись от “самого глупого тщеславия”, “желания чинов, крестов” и помыслов о военной карьере, уже добившийся признания в литературном мире писатель меняет направление своего творческого поиска, отказывается от “детского взгляда на вещи” и создаёт произведение, означающее прорыв русской литературы, оккупированной беллетристикой, из сферы *воображаемого* в поток мировой истории, – “Севастопольские рассказы”. Косвенно поддерживавший его в этом И. С. Тургенев ещё до личного знакомства с Толстым писал ему в октябре 1855 года: “Жутко мне думать о том, где Вы находитесь. Хотя, с другой стороны, я и рад для Вас всем этим новым ощущениям и испытаниям, но всему есть мера, и не нужно вводить судьбу в соблазн – она и так рада повредить нам на каждом шагу. Очень было бы хорошо, если бы Вам удалось выбраться из Крыма – Вы достаточно доказали, что Вы не трус, – а военная карьера всё-таки не Ваша. Ваше назначение – быть литератором, художником мысли и слова”*.

Толстой прислушался к мнению мастера, которому на первых порах невольно подражал, – может быть, потому, что оно совпало с его собственными предчувствиями, но не сразу перестал вполне по-лермонтовски испытывать судьбу, участвуя в рискованных “вылазках”, время от времени поворачиваясь *лицом к смерти* (в июле 1854 года Толстой перечитывал “Героя нашего времени”). Начинаящего писателя увлекала “прелесть опасности”, как и будущих его героев. Очевидно, без этих крымских испытаний не появился бы шедевр толстовской мысли и толстовского слова: “Война и мир”, не роман, как уверял автор своего издателя М. Н. Каткова, а (добавим от себя) откровение о русской судьбе, *мифопоэтическое сказание* о смысле исторического бытия России**.

“Севастопольские рассказы” – важнейшие вехи на пути Толстого к *большому искусству*, которое по своей сути есть не воплощение какого-то случайного субъективного вымысла сочинителя, а выражение *страстного искания истины*. Уже второй очерк цикла – “Севастополь в мае” – свидетельствовал о том, что его автор создавал: задача русского писателя – не сочинять (скажем, как Бальзак, которого Толстой читал в Севастополе), а просто говорить *правду*, в том числе и правду о “страшной необходимости” войны. Манифестируя этот принцип, Толстой навсегда расставался с “блеском и нищетой” беллетристики, отказывался “писать из пустого в порожнее – без мысли, и, главное, без цели”, а также по-своему испытывал возможности психологического анализа в литературе, переходя от описания *состояний сознания* несчастного одиночки (Володи – прапорщика Козельцова-второго в “Севастопо-

* Тургенев И. С. Собр. соч. в двенадцати томах. Т. 12. М., 1958. С. 193.

** В крымский же период окончательно сложилась и оригинальная толстовская метафизика воли, учение о “двойственности нашего существования” (двоеволии), которое было развёрнуто им в систему образов в “Войне и мире” (“хищный тип” с двоящейся улыбкой – зверочеловек Долохов и другие персонажи-кентавры).

ле в августе”, Оленина в “Казачьем романе”, работа над которым началась 28 августа 1853 года) к изображению духа народа как мощного фактора исторического процесса, включающегося в безумную космическую “игру жизнью и смертью”, которая оборачивается войной. Сюжетно-композиционное единство трёх толстовских очерков сформировано не столько рефлектирующим авторским “Я”, обращённым к читателю, ведущим его от одного “ужасного зрелища” к другому, иногда соскальзывающим в поверхностное морализирование, сколько по-гомеровски беспристрастным изображением главного предмета повествования — “Севастополя в различных фазах”: в декабре... в мае... в августе... — этого “странного смещения лагерной и городской жизни, красивого города и грязного бивуака”, “рокового места”, к которому с жаром “стремятся с различных сторон света разнородные толпы людей”. Задолго до основания этого русского “города, достойного поклонения” (греч.) здесь побывали греки, скифы, римляне, славяне, византийцы, генуэзцы, ордынцы эмира Ногая и другие *пассионарии*. “Роковое место” в Крыму не раз притягивало к себе *людей длинной воли* — посланников динамично развивавшихся цивилизаций. А в 1854–1855 годах **Севастополь заявил о себе как о “непоколебимом враге” англо-франко-турецкой коалиции, став эпицентром мировой истории, где состоялась кровавая проба основных сил грядущих столетий** — христианской Руси, здесь же (в Херсонесе) принявшей в 988 году наследие греко-византийского мира, и антихристианского по своим скрытым целям Запада. Толстой показывает, что не все участники 349-дневной обороны Севастополя понимали суть происходящего, и меньше всех понимали её офицеры-*аристократы*, озабоченные карьерным ростом, движимые мелкими мотивами зависти, честолюбия и тщеславия.

Как психолога, писателя интересуют “подробности чувства”, “малейшие оттенки душевной жизни” человека, попавшего в “само место защиты” Севастополя, требующее от каждого ежеминутной “готовности к смерти”. Он детально описывает это “страшное место смерти”, превращающее того, кто считал себя трусом, в “подлинного героя”, а воображавшего себя героем — в “жалкого труса”. Непреодолимый и в иные моменты парализующий человека **страх смерти** (“врождённое чувство человеку”) описан в “Севастопольских рассказах” во всех его основных модификациях, включая беспокойство, тревогу, жуть, боязнь, испуг, робость и даже стеснительность. Всё это состояния *человека душевного*, которому в принципе неведомо **бесстрашие**. Таков, к примеру, у Толстого штабс-капитан Михайлов — “*душка человек*”. Для людей этого типа, по мысли Толстого, спасение от страха смерти — в “уничтожении сознания”. “Оно первое дело, ваше благородие, *не думать много*: как не думаешь, оно тебе и ничего”, — подсказывает раненый солдат рассказчику. Возможно и иное решение проблемы: “водочки покамест хватить можно для утешения души” перед ожидаемым штурмом.

“Чувство бесстрашия” — достояние человека “с спокойным, возвысившимся духом”. Покончив с чисто психологическим разбирательством — “вечными рассуждениями о том, трус, мол, ли я или нет...”, как заметил Тургенев, — Толстой пробивается к пониманию глубинных мотивов поведения защитников Севастополя — влечения к опасности, “желания блеснуть” и прочувствовать “прелесть риска”, непреодолимой страсти к “игре жизнью и смертью” в сочетании с молчаливым бесстрашием и какой-то “высокой, невысказанной мыслью”, мыслью о родине, участь которой решается *здесь и теперь*, в декабре, мае, августе, в этом роковом и “страшном месте смерти”. Так умирает поднявший солдат в контратаку поручик Михаил Козельцов, испытавший “невыразимый восторг сознания” в преодолении “чувства страха” и исполнении того “геройского дела”, которое объединяло *простых, упрямых и твёрдых* духом защитников Севастополя. “Чудное время!.. — писал Толстой брату Сергею 20 ноября 1854 года. — Я благодарю Бога за то, что видел этих людей и живу в это славное время”*.

В “Севастопольских рассказах” Толстой-духовидец ещё не без труда подбирает слова для “невыразимого” и свою главную идею выговаривает довольно-таки невнятно. Она, как нам теперь представляется, в том, что всемирно-исторический **смысл исполняемого русским православным воинством из века в век дела — в противостоянии натиску смертоносной цивилизации**

* Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22-х томах, Т. XVII–XVIII. Москва, 1984, с 378.

Запада, в сопротивлении силам разрушения и смерти. Отсюда в “Севастопольских рассказах” — “мысль о Боге всемогущем, добром, который всё может сделать и услышит всякую молитву” русского человека, толстовское противопоставление Ангела-утешителя Ангелу смерти, парящему над местом фатального столкновения России и Запада. Отсюда же и мотив *твёрдости* русского духа, выдерживающего с Божьей помощью любой напор *западной воли к мощи*, стремящейся к установлению своего планетарного господства и осуществлению унификации человечества ценой большой крови.

В этом историософском контексте, развёрнутом позднее Толстым в “Войне и мире”, *четвёртый бастион* севастопольской обороны, где он, командуя батареей, с 1 апреля по 15 мая 1855 года не раз испытывал свою судьбу, предстаёт перед нами в качестве форпоста непобедимого русского духа, живого символа вековечного русского сопротивления гибельной для незападных народов вестернизации. Прав был молодой Толстой, утверждавший: “Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский. . .” Наш уход из Севастополя в августе 1855 года не был поражением русской армии и русского духа, как не стало таковым и оставление его в 1942 году. Тот, кто увидел подлинных защитников Севастополя в “самом месте защиты”, пережил, по словам Толстого, возвышение духа и вынес отрадное “убеждение в невозможности взять Севастополь, и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа”.